

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 341.9
ББК 67.93

ОСНОВНЫЕ СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Е. С. Аничкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

С учетом специфики правоприменения в международном частном праве выявлены и подкреплены соответствующими примерами наиболее распространенные судебные ошибки, возникающие в процессе работы с нормами этой отрасли права. Отдельно проанализированы судебные ошибки при применении международных договоров с участием РФ, судебные ошибки при применении коллизионных норм, а также судебные ошибки при установлении и применении иностранного материального права. Кроме того, обращено внимание на потенциально сложные правоприменительные вопросы, при решении которых вероятны судебные ошибки.

Ключевые слова: правоприменение, международное частное право, судебная ошибка, международный договор, коллизионная норма, иностранное право.

MAJOR MISCARRIAGES OF JUSTICE IN THE APPLICATION OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

E. S. Anichkin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Taking into account the specifics of law enforcement in private international law, the most common judicial errors arising in the process of working with the norms of this branch of law were identified and supported by relevant examples. Separately analyzed are judicial errors in the application of international treaties with the participation of the Russian Federation, judicial errors in the application of conflict of laws, as well as judicial errors in the establishment and application of foreign substantive law. In addition, attention is drawn to potentially complex law enforcement issues, in the solution of which judicial errors are likely.

Keywords: law enforcement, private international law, miscarriage of justice, international treaty, conflict of laws rule, foreign law.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)1.11](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)1.11)

Одним из самых сложных с точки зрения внутрисистемного соотношения и правоприменения является комплекс норм, образующих международное частное право (далее — МЧП). Как известно, этот комплекс включает в себя четыре вида норм: внешние материальные нормы, внешние коллизионные нормы, внутренние коллизионные нормы и специальные внутренние ма-

териальные нормы, предназначенные напрямую регулировать частные отношения с иностранным элементом [1, с. 78–84]. В то же время, по справедливому замечанию В. П. Звекова, «дискуссионным остается вопрос о возможности и пределах отнесения к международному частному праву иных материально-правовых предписаний внутреннего права» [2, с. 8], т. е. материальных норм общего характера, рассчитанных на регулирование внутренних отношений, но применимых к интернациональным отношениям в случаях коллизионной отсылки. Перечисленные виды норм применяются в определенной последовательности, что обуславливает существование четырех этапов применения норм МЧП. На первом этапе применяются внешние материальные нормы, выраженные в международных договорах с участием Российской Федерации; при их отсутствии или пробельности во вторую очередь подлежат применению коллизионные нормы международного договора с участием России и страны, к которой принадлежит иностранный элемент в рассматриваемом деле; при отсутствии внешних коллизионных норм субсидиарно применяются внутренние коллизионные нормы страны-правоприменителя; и, наконец, в финале применяются внутренние материальные нормы частного права той страны, к которой отсылает коллизионная норма [3, с. 77].

Основным субъектом-правоприменителем в международном частном праве является государственный суд (в России — суды общей юрисдикции и арбитражные суды). Другие правоприменители (нотариусы, консулы, органы ЗАГС, третейские суды за исключением Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ) работают с нормами МЧП значительно реже. В связи с этим научный и практический интерес представляет собой выявление и анализ наиболее распространенных ошибок, допускаемых российскими судами при применении норм МЧП, тем более что эти судебные ошибки возникают на каждом этапе правоприменения. В этой связи напомним, что согласно наиболее устоявшемуся подходу судебная ошибка — это «негативный результат противоправного поведения суда, допущенный по гражданскому, уголовному или административному делу и зафиксированный уполномоченной судебной инстанцией» [4, с. 334]. Конкретизируя данное определение относительно МЧП, обоснованно вести речь о нарушении либо неправильном применении внешних или внутренних материальных и коллизионных норм, которые были констатированы апелляционной, кассационной или надзорной судебной инстанцией.

Как известно, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 270, ч. 1 и 2 ст. 288 Арбитражного процессуального кодекса РФ основанием для изменения или отмены решения арбитражного суда первой либо апелляционной инстанции является «нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права». Далее законодатель детализирует неправильное применение норм права, понимая, в частности, под ним неприменение закона, подлежащего применению, применение закона, не подлежащего применению, неправильное истолкование закона. Аналогичные по содержанию положения содержатся в ст. 330 и ст. 379.7 Гражданского процессуального кодекса РФ. Следует уточнить, что сказанное относится также к применению иностранного материального права и коллизионной нормы. По справедливому замечанию Н. Ю. Ерпылевой и И. В. Гетьман-Павловой, «суд, не применяя иностранный закон, нарушает российскую коллизионную норму, предусматривающую применение иностранного права», а «нарушение предписаний российских коллизионных норм — один из поводов для отмены или изменения судебного решения вышестоящей судебной инстанцией» [4, с. 426].

Исходя из сказанного, основные судебные ошибки при применении норм МЧП целесообразно разделить на три группы, каждая из которых может быть проиллюстрирована соответствующими примерами из судебной практики. Во-первых, это судебные ошибки при применении международных договоров с участием РФ, во-вторых, судебные ошибки при применении коллизионных норм, в-третьих, судебные ошибки при установлении и применении иностранного материального права.

Судебные ошибки при применении международных договоров с участием Российской Федерации

1. Неприменение международного договора. Так, постановлением Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 30.09.2003 № 7127/03 были отменены решение суда первой инстанции, а также постановления судов апелляционной и кассационной инстанций. Причиной отмены стало игнорирование нижестоящими судебными инстанциями Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов. Суды неправильно определили сферу действия Конвенции, связав ее с государственной принадлежностью сторон договора (стороны были российскими субъектами) и необходимостью

ссылки на Конвенцию в самом гражданско-правовом договоре. Между тем согласно ст. 1 Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов, участником которой является Российская Федерация, именно местонахождение пунктов погрузки и назначения в различных государствах является определяющим основанием для применения к договору дорожной перевозки грузов положений Конвенции, и, кроме того, отдельно указано, что применение Конвенции не зависит от местожительства и национальности заключающих договор сторон [5].

Аналогичным образом в постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 28.01.2014 № 3366/13 были отменены определение Арбитражного суда г. Москвы от 31.08.2012 по делу № А40–88300/11–141–741 и постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29.11.2012 по тому же делу. Нижестоящими судами не была применена Гаагская конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам от 15.11.1965. В данном деле для признания и приведения в исполнение решения иностранного суда в отношении ответчика, находящегося на территории Российской Федерации, требовалось его официальное извещение о судебном процессе в соответствии с Гаагской конвенцией, но этого сделано не было. В этой связи Президиум указал на п. 2 ч. 1 ст. 244 Арбитражного процессуального кодекса РФ, согласно которому арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения суда иностранного государства полностью или в части в случае, если сторона, против которой принято решение, не была своевременно и надлежащим образом извещена о времени и месте рассмотрения дела или по другим причинам не могла представить в суд свои объяснения [6].

2. Некорректное применение международного договора. Оно может иметь различные проявления, среди которых — неверное определение момента вступления международного договора в силу для государства-участника, неправильное определение круга государств — участников договора, игнорирование оговорок, сделанных государством при заключении договора или присоединении к нему, ошибочное первичное применение коллизионных норм международного договора вместо его материальных норм, неправильное соотнесение международных договоров между собой по уровню юридической силы, предпочтение общему международному договору перед специальным. Так, в решении Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ от 31.05.2002 по делу № 120/2001 было обоснованно указано, что к спору по контракту международной купли-продажи, местонахождением коммерческих предприятий сторон которого являлись на момент рассмотрения спора государства — участники Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (российская фирма — покупатель и бельгийская фирма — продавец), данная Конвенция неприменима, поскольку на дату заключения контракта государство, в котором находится коммерческое предприятие продавца, не являлось участником Конвенции: названная Конвенция вступила в силу для Бельгии с 1 ноября 1997 г., а контракт сторонами был заключен 30 октября 1997 г. [7].

3. Игнорирование принципа приоритета международного договора перед законом. Как известно, на основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [8] и в соответствии с ч. 3 ст. 3 Арбитражного процессуального кодекса РФ в том случае, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора. В этой связи, например, постановлением Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 03.08.1999 № 7863/98 были отменены решения судов первой и апелляционной инстанций, поскольку они вопреки нормам Женевской конвенции от 19.05.1956 о договоре международной перевозки грузов руководствовались положениями Арбитражного процессуального кодекса РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 212 Арбитражного процессуального кодекса РФ дела по искам к перевозчикам, вытекающие из договора перевозки, в том числе когда перевозчик является одним из ответчиков, рассматриваются по месту нахождения органа транспорта. Поскольку организация перевозчика находится на территории Дании, нижестоящие суды посчитали данное дело неподсудным российскому суду. Однако они не приняли во внимание иные процессуальные правила Женевской конвенции, ст. 31 которой предусматривает, что по всем спорам, возникающим из перевозки, подпадающей под действие этой Конвенции, истец может обратиться в суд страны, на территории которой находится место принятия груза к перевозке или место, предназначенное для сдачи. По материалам дела территория России была либо

местом принятия груза, либо местом его доставки, в связи с чем российский арбитражный суд был компетентен рассматривать данный спор [9].

Судебные ошибки при применении коллизионных норм

1. Первичное применение внутренней коллизионной нормы. В ряде судебных решений наблюдается нарушение правильной последовательности применения коллизионных норм, когда внутренней норме отдается необоснованное предпочтение перед внешними материальными или коллизионными нормами. Об опережающем применении материальных норм международного договора с участием России прямо указано в п. 3 ст. 1186 Гражданского кодекса РФ, а о приоритете коллизионных норм международного договора перед внутригосударственными коллизионными нормами не раз упоминали Пленум Верховного суда РФ и Президиум Высшего Арбитражного суда РФ. В частности, в п. 42 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» предусматривается: «Если коллизионные нормы об определении применимого права предусмотрены международным договором Российской Федерации, арбитражный суд руководствуется нормами международного договора» [10].

Между тем, например, постановлением Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 01.12.2009 № 11284/09 были отменены решения нижестоящих судебных инстанций, поскольку они руководствовались положениями ст. 1186, 1211 Гражданского кодекса РФ и сделали вывод о том, что к отношениям сторон подлежат применению нормы российского права как права страны-перевозчика. Однако президиум справедливо отметил, что договор перевозки груза, оформленный в виде международной транспортной накладной CMR 290605/HMS, является международной коммерческой сделкой, на которую распространяются положения Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов от 19.05.1956. Более того, в самой международной товарно-транспортной накладной имеются указания на осуществление перевозки в соответствии с условиями Конвенции. Следовательно, при рассмотрении спора о взыскании задолженности по оплате вознаграждения за состоявшуюся международную автомобильную перевозку суд должен руководствоваться положениями Конвенции. В случае когда спорные вопросы не урегулированы международным договором, суд должен руководствоваться нормами внутригосударственного российского гражданского права [11].

2. Нарушение правил реализации автономии воли. В силу положений ст. 1210 и п. 1 ст. 1211 Гражданского кодекса РФ соглашение сторон о выборе применимого права является первоочередным коллизионным правилом при определении права, подлежащего применению к договору. Вместе с тем суды не всегда учитывают генеральный характер коллизионной нормы об автономии воли, ставя на первое место субсидиарные правила о коллизионном регулировании соответствующих договорных обязательств. Так, в определении Высшего Арбитражного суда РФ от 30.06.2011 № ВАС-6417/11 о передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного суда РФ было установлено, что нижестоящие судебные инстанции вопреки п. 12 договора поручительства не учли выбор действующих правовых актов Латвийской Республики в качестве права, применимого к данному договору. Иными словами, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций необоснованно исходили из того, что ссылка в договоре поручительства на правовые акты Латвийской Республики не является соглашением сторон о подлежащем применению праве (автономией воли), и применили при рассмотрении спора материальные нормы Гражданского кодекса РФ как право страны-поручителя (п. 2 ст. 1211) [12].

Примечательно, что приоритет автономии проецируется и на внешние коллизионные нормы при условии их диспозитивного характера. Например, в соответствии со ст. 41 Минской конвенции о правовой помощи и правовым отношениям по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 «права и обязанности сторон по сделке определяются по законодательству места ее совершения, если иное не предусмотрено соглашением сторон» [13]. В связи с этим в одном из своих решений Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ обратил внимание на выбор сторонами договора поручительства российского права как права страны-поручителя, несмотря на то что сам договор был заключен в Республике Узбекистан. В данном деле ответчик ошибочно полагал, что стороны при заключении договора поручительства не избрали применимое право и в качестве закона места совершения сделки должно применяться узбекское право. Но поскольку внешняя коллизионная норма в качестве основного правила предусматривает автономию воли, последняя имеет первичный характер [14].

3. Неверное соотнесение общих и специальных коллизионных норм. В международном частном праве наблюдается по меньшей мере пять видов конкуренции общих и специальных коллизионных норм [15 с. 89–93]. В целом суды верно решают вопросы соотнесения этих норм, хотя обнаруживаются некоторые исключения в виде судебной ошибки. В определении Верховного суда РФ от 18.09.2018 обращено внимание нижестоящих судов на ошибочное правоприменение при конкуренции общей и специальной коллизионной нормы, содержащихся в разных статьях Гражданского кодекса РФ, а именно: п. 1 ст. 1197 ГК РФ и ст. 1219 ГК РФ [16]. В соответствии с п. 1 ст. 1197 «гражданская дееспособность физического лица определяется его личным законом», но согласно п. 1 ст. 1219 «к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, применяется право страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для требования о возмещении вреда». При этом одним из вопросов деликтного обязательства является «способность лица нести ответственность за причиненный вред» (ст. 1220 ГК РФ). В рассмотренном деле вред был причинен туристом — подданным Японии российскому гражданину на территории нашей страны. Суды нижестоящих инстанций определили в качестве применимого право Японии на основе закона подданства делинквента (п. 1 ст. 1195 ГК РФ), которым регулируется, соответственно, его дееспособность. Тем не менее специальное проявление дееспособности японского подданного (деликтоспособность) более тесно связано с правом России и потому в силу ст. 1219 ГК РФ должно регулироваться российским правом. Иными словами, в этой ситуации правоприменительный интерес представляла не дееспособность вообще, а особый вопрос в рамках дееспособности, который урегулирован специальной коллизионной нормой, обуславливающей применение российского, а не японского права.

4. Неприменение коллизионной нормы. Оно может быть выражено в неприменении коллизионной нормы к частному отношению с иностранным элементом вообще либо в неприменении нужной коллизионной нормы. В определении Высшего Арбитражного суда РФ от 19.05.2010 № ВАС-5977/10 в деле по иску общества с ограниченной ответственностью «СВИФ» (г. Хабаровск) к Торгово-экономической компании с ограниченной ответственностью «Ваньчэн» (КНР, г. Харбин) о расторжении контракта и взыскании убытков было указано среди прочего на то обстоятельство, что «судами не рассмотрен вопрос о праве, подлежащем применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранного юридического лица (ответчика)» [17]. В постановлении Федерального Арбитражного суда Московского округа от 25.11.2011 по делу № А40–62359/10–38–293Б было указано на неверное определение нужной коллизионной нормы ввиду ошибочной квалификации спорного правоотношения. В данном деле нижестоящие суды признали на основе норм Гражданского кодекса РФ незаключенным договор о залоге как акцессорное обязательство, но не приняли во внимание основное обязательство (кредитный договор). Поскольку кредитором в данном обязательстве выступало юридическое лицо австрийского права (ЮниКредитБанк Австрия АГ), то в силу п. 2 ст. 1211 Гражданского кодекса РФ применению подлежало именно оно. Однако при рассмотрении требований кредитора судами не были установлены нормы австрийского права о параллельном долговом обязательстве и не были оценены представленные участвующими в деле лицами заключения австрийских юристов [18].

Существуют и иные потенциально опасные с точки зрения допустимости судебных ошибок правоприменительные ситуации с коллизионными нормами, хотя автору не удалось найти подтверждающих это судебных постановлений. По нашему мнению, к их числу можно отнести неприменение сопутствующей коллизионной нормы, неправильное определение применимого права при мобильном конфликте, неточное определение границ применимого права при применении кумулятивной коллизионной нормы и ряд других.

Судебные ошибки при установлении и применении иностранного материального права

1. Неиспользование судом всех предусмотренных возможностей для установления иностранного права. Исходя из п. 2 ст. 1191 Гражданского кодекса РФ, суд может использовать четыре способа установления иностранного права: обратиться в Министерство юстиции РФ и иные компетентные органы в Российской Федерации и за границей; обратиться в компетентные организации в России и за рубежом; использовать содействие лиц, участвующих в деле; привлечь экспертов. Суды не всегда используют все предоставленные возможности, ограничиваясь зачастую обращением с запросом в Министерство юстиции РФ. Иногда это становится основанием отмены решений, приня-

тых судом первой или апелляционной инстанций. В частности, в определении Верховного суда РФ от 29.09.2020 № 307-ЭС20–2469 было указано на необходимость установления норм иностранного права как личного закона юридического лица, хотя нижестоящие суды ограничились сведениями, предоставленными участвующими в деле лицами, согласились с выводами, сделанными в заключении, предоставленном адвокатом иностранной фирмы, никак не мотивируя свой выбор и не обращаясь к иным способам установления содержания норм иностранного права [19]. Такой подход судов к установлению иностранного права был оценен как существенное нарушение ст. 1191 Гражданского кодекса РФ и ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

2. Игнорирование судом представленной информации о содержании норм иностранного права. Так, в определении Верховного суда РФ от 23.08.2017 № 305-ЭС16–13148 (2) в надзорном порядке были отменены постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. По материалам дела к спорному отношению подлежало применение права Республики Кипр. Одной стороной спора (Банком Кипра) представлено заключение Поливиоса Г. Поливиу, адвоката Республики Кипр и партнера юридической фирмы «Криссафинис энд Поливиу ЛЛК», а другой стороной (Евробанком) представлено заключение Антониса Гликиса, адвоката Республики Кипр и партнера юридической фирмы «Андреас Неоклеус энд Ко ЛЛК», о содержании норм кипрского права и практике его применения. Однако, как отметил Верховный суд РФ, наличие в деле названных заключений, которые бы могли способствовать установлению содержания иностранного права, и имеющиеся в них сведения не отражены в обжалуемых судебных актах. Верховный суд РФ пришел к выводу, что «ни один из указанных доводов банков не был проанализирован и оценен судами первой и апелляционной инстанций. Фактически суды в нарушение ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 1191 Гражданского кодекса Российской Федерации не выполнили свою обязанность по установлению содержания норм применимого права» [20] и никак не обосновали затруднения в установлении его содержания.

В другой ситуации, напротив, Федеральный Арбитражный суд Уральского округа как кассационная инстанция в постановлении от 23.10.2013 № Ф09–9944/12 справедливо оставил постановление суда апелляционной инстанции без изменения и обратил внимание на следующее: «Суд апелляционной инстанции исследовал представленные истцом заключения юристов (адвоката, конкурсного управляющего и сотрудника коммерческой фирмы), но учитывая, что данные заключения составлены не компетентными органами, как того требует ст. 1191 Гражданского кодекса Российской Федерации, и представляют собой не заключения о содержании норм иностранного права, а мнение юристов по конкретной ситуации, ... не принял их во внимание в качестве надлежащих доказательств по делу» [21]. Как видно, немаловажное значение имеют формат и уровень содержания предоставляемых сведений об иностранном праве.

3. Непринятие судом во внимание противоречивости сведений о нормах иностранного права. Например, постановлением Федерального Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.01.2012 № Ф03–3393/2011 было отменено решение Арбитражного суда Хабаровского края и постановление Шестого арбитражного апелляционного суда, а дело направлено на новое рассмотрение в Арбитражный суд Хабаровского края. Кассационная инстанция призвала принять меры к достоверному установлению содержания права Сан-Винсента и Гренадины, относящегося к спорным отношениям по залоговым правам банка на морское судно. В рамках рассмотрения данного дела истец и ответчик представили affidavits зарубежных адвокатов. При этом суды приняли во внимание представленный банком-истцом affidavit Самуэля Эверстона Коммиссонга, содержащий толкование и разъяснение законодательства Сан-Винсента и Гренадины, отвергнув представленный ответчиком affidavit Николь Отлин Мишель. Отвергая affidavit Николь Отлин Мишель, апелляционный суд исходил из того, что он содержит лишь критические замечания в отношении affidavit Самуэля Эверстона Коммиссонга без ссылок на законы, которые следует применять.

Однако данные выводы апелляционного суда были признаны необоснованными, так как содержание affidavit Николь Отлин Мишель имеет ссылки на судебные прецеденты как составную часть законодательства Сан-Винсента и Гренадины, иные правовые акты данного государства и их толкование с приложением соответствующих материалов. Критический, по мнению судов и истца, стиль изложения данного affidavit по отношению к affidavit Самуэля Эверстона Коммиссонга, не лишает его юридической значимости. С целью устранения противоречий и противоположных суждений

указанных аффидевитов суды обеих инстанций не воспользовались механизмами, заложенными в ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 1191 Гражданского кодекса РФ, в частности, не обратились за содействием в толковании норм законодательства Сан-Винсента и Гренадины к компетентным органам в Российской Федерации. В такой ситуации принятие судами аффидевита Самуэля Эверстона Коммиссонга как достоверного источника толкования и разъяснения содержания законодательства Сан-Винсента и Гренадины является неправомерным [22].

4. Применение иностранного права не в полном объеме. Согласно п. 1 ст. 1191 Гражданского кодекса РФ «при применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве». Иными словами, следует исходить не только из буквального содержания норм иностранного права, но также из интерпретационного, правоприменительного и доктринального контекста этих норм, что суды учитывают не всегда. Любопытный пример из судебной практики приводит в своей известной монографии Ю. А. Тимохов. В постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа № КГ-А40/5711–01 от 16.10.2001 указывается, что суд первой инстанции, установив существование и содержание норм германского права, к которым апеллирует истец, не выяснил их толкование и практику применения в ФРГ. Представленные истцом материалы свидетельствуют, что данное судом толкование примененных норм немецкого права отличается от их толкования и правоприменительной практики в ФРГ. В итоге обжалуемые судебные акты были отменены, а дело передано на новое рассмотрение в первую инстанцию Арбитражного суда г. Москвы [23, с. 52–53].

В другом примере в постановлении Федерального арбитражного суда Московского округа по делу № КГ-А40/5241–01 от 25.09.2001 рассматривалась ситуация, когда спор подлежал разрешению в соответствии с правом Великобритании. Однако в решении суда первой инстанции нет ни одной ссылки на писаные нормы британского права или судебные прецеденты, которыми бы он руководствовался при его принятии. Суд апелляционной инстанции не устранил указанное нарушение и также не сослался на нормы материального права Великобритании, положенные в основу его постановления. В результате обжалуемые судебные акты были отменены, а дело передано на новое рассмотрение в первую инстанцию Арбитражного суда г. Москвы [23, с. 51–52].

Теоретически возможны и иные судебные ошибки в части применения иностранного материального права, но они пока не находят подтверждения в доступной автору российской судебной практике. К их числу могут быть отнесены неправильное толкование понятий, содержащихся в нормах иностранного права; применение неактуальных норм иностранного права (утративших силу, действующих в новой редакции, признанных неконституционными); злоупотребление оговоркой о публичном порядке и сверхимперативными нормами российского права, приводящими к фактической нейтрализации коллизионной нормы и вытеснению иностранного права из сферы регулирования соответствующего отношения.

Как видно, характерный для МЧП правоприменительный процесс отличается повышенной сложностью и нестандартностью, в связи с чем суды могут становиться уязвимыми при применении различных видов норм МЧП. Разнообразие возникающих в связи с этим типовых судебных ошибок требует их систематизации и тщательного анализа в целях минимизации правоприменительных дефектов в этой своеобразной области права. Поэтому понимание и учет рассмотренных выше ошибок в ходе правоприменительной деятельности судов позволит не допускать их в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ануфриева Л. П. Международное частное право : в 3 т. Т. 1. М., 2002. 228 с.
2. Международное частное право : учебник / под ред. Н. И. Марышевой. М., 2000. 524 с.
3. Аничкин Е. С. Особенности правоприменения в международном частном праве // Известия Алт. гос. ун-та. 2011. № 2/1 (70). С. 73–80.
4. Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2008. 432 с.
5. Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2004. № 2.
6. Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2014. № 6.
7. Решение МКАС при ТПП РФ от 31.05.2002 по делу № 120/2001. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=A5058B1594DCA7B03E1564FE8F731FB3&SORTTYPE=0&BAS>

ENODE=g1&ts=2058531525026533603985900567&base=ARB&n=2786&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A-2DA60B2BF97DACC#28nnaqkprsr (дата обращения: 13.03.2020).

8. Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. ст. 2757.

9. Постановление Президиума ВАС РФ от 03.08.1999 № 7863/98 по делу № А42–3683/ка-9. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=FAAB9C65C9003D47FA5D5E8BBCCE012E&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=205853152509996528796734436&base=ARB&n=8159&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A2DA60B2BF97DACC#9h4x4hfpr2> (дата обращения: 13.03.2020).

10. Бюллетень Верховного суда РФ. 2017. № 8.

11. Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2010. № 3.

12. Определение ВАС РФ от 30.06.2011 № ВАС-6417/11 по делу № А40–26764/10–101–99Б, А40–27719/10–101–106Б. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=F9F0C99DA4A36A115CF6418E21389174&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=205853152505263510239113618&base=ARB&n=204779&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A2DA60B2BF97DACC#2fa4yhyew32> (дата обращения: 13.03.2020).

13. Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. ст. 1472.

14. Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 26.02.2018 по делу № М-113/2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=2200E6C88F65B230FB4961BD2F545784&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=20585315250008125554225176579&base=ARB&n=583598&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A2DA60B2BF97DACC#23bvnf53хуу> (дата обращения: 13.03.2020).

15. Аничкин Е. С. Конкуренция общих и специальных коллизионных норм международного частного права // Общие и специальные нормы уголовного права РФ, квалификация преступлений и назначение наказания : сб. научных статей / под ред. Е. А. Куликова. Барнаул, 2020. 298 с.

16. Бюллетень Верховного суда РФ. 2018. № 12.

17. Определение ВАС РФ от 19.05.2010 № ВАС-5977/10 по делу № А73–14198/2008. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=3D3270829AB05C979BD58C6F8072801F&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=2058531525020984037874899686&base=ARB&n=150734&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A2DA60B2BF97DACC#24gxfmpo2hd> (дата обращения: 13.03.2021).

18. Постановление ФАС Московского округа от 25.11.2011 по делу № А40–62359/10–38–293Б. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=EE9740D8FC731A42D82F001F284A551C&SORTTYPE=0&BASENODE=24&ts=205853152507612964911117137&base=AMS&n=151880&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A2DA60B2BF97DACC#24mgiena5n7> (дата обращения: 13.03.2021).

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 307-ЭС20–2469 по делу № А56–122064/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=2FDDD4BE187B4B92A677C0AF01B6F498&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=2058531525010902863415754749&base=ARB&n=640356&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A2DA60B2BF97DACC#u5gmcn1frv> (дата обращения: 13.03.2021).

20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 23.08.2017 № 305-ЭС16–13148 (2) по делу № А41–14262/2015. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=AF047AED5D5B1143E56F2BB6C87857DA&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=205853152509726765307986414&base=ARB&n=510097&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A2DA60B2BF97DACC#51clmlk17k> (дата обращения: 13.03.2021).

21. Постановление ФАС Уральского округа от 23.10.2013 N Ф09–9944/12 по делу № А60–35896/2011. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=457519788FEB1EFBFD64BBD9D076941B&SORTTYPE=0&BASENODE=36&ts=20585315250043831868143616726&base=AUR&n=145430&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A2DA60B2BF97DACC#172ge21rxhy> (дата обращения: 13.03.2021).

22. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 11.01.2012 № Ф03–3393/2011 по делу № А73–10214/2008. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=E02BCE0D54EDC200A5FA7F63AA5ED77F&SORTTYPE=0&BASENODE=31&ts=205853152508952265136546316&base=ADV&n=59939&rnd=6C5FF7ED4E9916C8A2DA60B2BF97DACC#250zz91cand> (дата обращения: 13.03.2021).

23. Тимохов Ю. А. Иностранное право в судебной практике. М., 2004. 176 с.